

Ставить спектакли о нынешней войне преждевременно

Главный режиссер Центрального академического театра Российской армии Борис МОРОЗОВ встречает свой 60-летний юбилей репетициями спектакля "Давным-давно" А.Гладкова. Ученик Андрея Алексеевича Попова, Морозов в данном случае исполняет роль "внука", взявшегося оживить то, что создал когда-то его "дед". Легендарный спектакль Алексея Дмитриевича Попова с музыкой Тихона Хренникова долгие годы не сходил со сцены ЦТСА. Однако в морозовском желании возобновить то же название на той же сцене есть и другие причины.

— Этот год для нашего театра — год юбилеев. Во-первых, 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Во-вторых, 75 лет театру. Мы делаем новую редакцию пьесы, но с той же музыкой Тихона Николаевича Хренникова, лучше которой не придумаешь. Над ее обработкой сейчас трудится наш композитор Рубен Затицян, но это не коснется ни фразировки, ни ритмов, только лишь новых технологий звучания. Для меня "Давным-давно" еще и своеобразная диалогия, вместе с "Севастопольским маршем", поставленным в прошлом сезоне. Этот спектакль продолжит размышления нашего театра на военно-историческую тему, весьма нужную сегодня. Конечно, название это для нас особое. Спектакль Попова родился в 1942 году в Свердловске, куда была эвакуирована труппа, и произвел тогда на зрителей ошеломляющее впечатление. А сейчас я вижу, как увлечены молодые актеры пьесой, хотя все видели фильм "Гусарская баллада". Им нравится наш язык, по-настоящему театральный, упругий, живой.

— Кто сыграет героиню Шуру?

— Репетируют две молодые актрисы: Т.Морозова и И.Кириллова. Сыграть роль Кутузова изъявил большое желание Владимир Михайлович Зельдин. Репетирует и Александр Михайлушкин. Зельдин просто заряжает всех нас своей энергией. Сейчас, к 90-летию артиста, мы выпускаем бенефисный спектакль "Человек из Ламанчи", где Владимир Михайлович и поет, и танцует. Мне ка-

жется, в нем больше жизни и азарта, чем во всех остальных, находящихся с ним на сцене.

В мае у нас еще один важный юбилей — Людмилы Ивановны Касаткиной, которая также сыграет бенефисную премьеру. Параллельно на Малой сцене театра молодежь репетирует "Венецианских близнецов" Гольдони. Там же готовится "Женитьба Белугина" Островского. В Театр Российской армии каждый год приходит молодое актерское пополнение. Я постоянно смотрю выпускников и вижу много талантливых ребят. Но выбираю тех, кто справится с нашей спецификой.

— В чем же она, эта специфика?

— В огромном пространстве нашей Большой сцены. Для нее нужны артисты с особой энергией, заразительностью и темпераментом, иначе потеряются.

— А есть ли у армейского театра специфика репертуара? В прежние времена она существовала. Ряд пьес, в том числе и классических, был запрещен за пацифистскую направленность. Другие, про армию и про войну, напротив, вменялись в обязанность.

— В 70-е годы я ставил здесь свой первый дипломный спектакль "Когда придет мой час" Гаруначи и Хотяновского. В этом кабинете сидел Андрей Алексеевич Попов, и я видел, как ему было трудно. Выстраивать репертуар, не пройти мимо интересной пьесы, пробить ее. Хотя, если вспомнить, здесь подчас появлялись пьесы, которые не давали ставить в так

Б.Морозов

называемых "гражданских" театрах: "Святая святых" И.Друцэ, "Комическая фантазия" Г.Горина, "Мандат" Н.Эрдмана, "Статья" Р.Солнцева. Сейчас со стороны главного управления по воспитательной работе Министерства обороны я не ощущаю никакого давления. Напротив, наше начальство заинтересовано в том, чтобы театр был интересен, чтобы он посещался зрителями. Последнее очень важно для нас самих и в материальном смысле. Мы финансируемся только на зарплату и коммунальные услуги. А на постановочные расходы зарабатываем сами.

— Значит, грядущая реструктуризация бюджета коснется и Театра Армии?

— А как же иначе! У нас так же, как у всех остальных. Я чувствую себя таким же оскорбленным, как мои

коллеги. Если казначейство будет забирать наши внебюджетные доходы, на своей огромной сцене, требующей громадных постановочных расходов, мы просто ничего не сможем делать.

И вообще, все эти "проекты" сочинились изначально тайно от театральной общественности, заведомо не были припашены к их разработке соответствующие специалисты. Нас просто поставили перед фактом, и это возмутительно.

— А Минобороны в случае самом худшем не сможет вас поддержать?

— Минобороны подчиняется тем же законам, что и все другие государственные ведомства. К тому же наш театр у него не единственный, есть еще театры Тихоокеанского, Балтийского, Черноморского флотов и Даль-

невосточного военного округа. Есть еще ансамбли, музей. У меня вопрос к Федеральному агентству по культуре и кинематографии: почему людям, далеким от театра, дано право решать, каким ему быть в России? Ведь вопрос, как точно заметила на нашем совещании Генриетта Яновская, не только в деньгах. По сути, это вопрос содержания театра. Нас лишают права на некоммерческое мышление. У театра может быть отнята важнейшая его функция: заставлять зрителя думать, а не только потреблять. Ведь мыслительная деятельность населения многими другими видами зрелищ сейчас просто убивается. Так неужели и театр нужен нашему государству всего лишь в виде услуги? И будет приходить зритель, желающий посмотреть живьем на телезвезду. "Покажите мне его живого! У меня к нему зоологический интерес!"

— И все же, если возвратиться к сегодняшней репертуарной политике, есть какие-нибудь к ней особые пожелания?

— Пожелания есть. Мой "Севастопольский марш" — ответ на них. Но ответ совершенно добровольный. Я восемь лет руковожу этим театром, ставил Шекспира, Островского, Горького. И сейчас работаю над "Варварами". К военному произведению Л.Толстого шел три года. Этот спектакль очень важен для театра даже не в смысле результата, а по отношению к нему актеров. Они очень любят его играть. Впрочем, недавно был такой случай. Вошел в мой кабинет сравнительно молодой человек. "Вы — режиссер "Севастопольского марша"? И вдруг он расплакался, обнял меня: "Я прошел две Чечни. Это — про меня!"

— Война играет в нашей нынешней жизни свою немалую роль. Наверное, появлялись и современные пьесы о ней?

— Пьесы есть. Но они, честно говоря... Понимаете, когда у нас в государстве никто не может сказать,

что же все-таки такое война в Чечне, драматурги неизбежно становятся в этой теме тенденциозными — или в ту, или в другую сторону. И получается фальшь. Кроме того, все это сейчас так восстало, что прикосновение ножом неуместно. Недавно в телепрограмме "Стресс" я увидел бесланских детей. Это была безнравственная демонстрация горя.

— А как вы относитесь к новой режиссуре?

— Скажу так: я вообще ко всей режиссуре отношусь с уважением. Сам я считаю себя режиссером актерским. Убежден, что самые непредсказуемые и таинственные закоулки театрального пространства связаны с актером. Я лично не люблю, когда классиков подминают под себя. Просто я уверен, что мы сегодня с точки зрения своего культурного и духовного содержания сильно девальвировались по сравнению с ними. Все равно, если ставишь классику, ты даешь некое ее сегодняшнее ощущение. Но в ней всегда есть шифр чего-то большего, чем сиюминутная узнаваемость. Сейчас я со своими студентами в РАТИ репетирую отрывки из "Трех сестер". И вижу, как ребята открывают для себя удивительные вещи даже на уровне ремарок. Да у Чехова и знаки препинания важные, потому что запятая или многоточие — это движение авторской души.

Вот мы с вами разговариваем накануне моего 60-летия. А я подумал: хорошо, что у меня есть возможность выпустить в год по спектаклю. Сейчас еще получил предложение от Белгородского драмтеатра поставить "Горе от ума". Если судьба мне отпустит еще десять активных лет, если условия не изменятся, то из всего богатства мировой драматургии мне останется десять пьес! Есть над чем задуматься...

Беседу вела
Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА